

остаётся нам на избавление. Аше вы не поможете нам скоро, то мы будем под Ананом и врагом нашимъ, а град под римляны».

В книге II (гл. III, ч. 1) рассказывается о донесении, которое наместник в Сирии Уар (Вар) послал императору Августу, о начавшемся в Иудее восстании: «Принесоша епистолию от Уара, сурьского строителя, яко иудеи на рать въздвигаются, не хотяще быти под римскою властью, а промышляи!» Все эти места, а также многие другие, которые невозможно процитировать за недостатком места, неопровержимо доказывают явную стилистическую близость между «Историей» и летописями и в отношении искусного и умелого построения прямой речи. Живость и убедительность рассказа достигается также и богатой образностью речи, которой насыщен перевод. Метонимической параллелью к слову «труд» постоянно выступает слово «пот», порой употребляемое и в сочинении с последним: «римляне же толик пот приемше» (кн. VI, гл. VII, ч. 5), «римляне с великим потом и трудомъ ставляху дела» (кн. VI, гл. II, ч. 7). Вместо того чтобы сказать, что Веспасиан по необходимости принял бремя правления, переводчик пишет: «яко сам подлезл под ярем игемонский» (кн. VI, гл. X, ч. 6). Метафорическое употребление греческого слова *θηρ* (зверь) всегда в древнерусском переводе заменяется словом «змии». В книге I (гл. XXXII, ч. 2) Ирод, обращаясь к суду вельмож, так характеризует злодеяния своего сына Антипатра: «Се же съкровенныи змии, насытився моихъ благодеянии и преврати на мя свою сытость, и мои живот стосну ему, и старостию моею тяжко ему бысть, и не стерпи цесарьствовати добромъ, нъ оцубиствомъ» (т. е. «Этот непотребный зверь, переполнившись моим терпением, обратил на меня свою сытость. Моя жизнь показалась ему долговременною, и моя старость его обременила; он же не рассчитывал сделаться царем иначе, как через отцеубийство»). Далее, обращаясь к римскому наместнику Вару, тот же Ирод говорит: «Уаре, ты блюдися от него, аз бо велми вем змея» (т. е. «И тебе нужно остерегаться, Уар, ибо я знаю этого зверя»). Бедствие вообще (греч. *τὰ κακά*) передается в переводе выражением «змиевы злобы».

Метафоры в переводе очень часты и в громадном большинстве случаев независимы от греческого оригинала: «правда стонет», «глад приползе» «огню полози», «брань над главою стоит». Краткому греческому выражению: «побросав оружие, они (противники Иосифа) обратились в бегство» (кн. II, гл. XXI, ч. 5) в древнерусском соответствует образное фразеологическое сочетание: «и тако ужас възложи на люди, яко, пометавшие оружие, разбегошася, камо кого очи несяшета». Последнее идиоматическое выражение полюбилось переводчику, и он несколько раз применяет его разнообразными вариантами: «камо кого нужа влечаше» или «кто камо видя». Ср. с этими образными словосочетаниями использование аналогичной русской идиомы в памятнике XV в. — «Хожении за три моря» Афанасия Никитина: «а кой должен, а тот пошел, куды его очи понесли».¹⁵ В речи Елеазара (кн. VII, гл. VIII, ч. 6) поражает своей образностью широко развернутая метафора: «И еще бо звенят прегрешения наша в ушью всех, мною же, яко и по нас будет сеи звон, им же есмы длъжни и месть прияти». Смерть на поле брани обычно называется «суд»; например: «и инемъ оружиемъ и рукама одолеваша ему, но судъ предаст его» (кн. VI, гл. II, ч. 10) или «и тогда падеся судомъ» (кн. VI, гл. I, ч. 6). Оригинальны и разнообразны многочисленные сравнения, которых также почти совсем нет в греческом подлиннике. Так, например: «Четыре камени вывалиша на места великыя, акы горы» (кн. VI, гл. I, ч. 3); в Галилее

¹⁵ ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853, стр. 332.